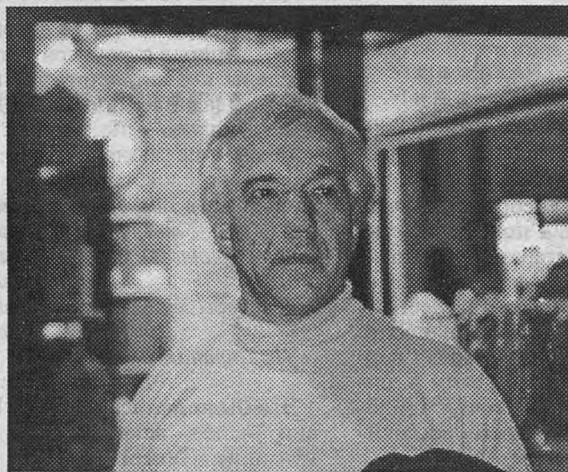

Владимир Ашкенази. Фото автора.

Кстати, в настоящий момент он работает над моим заказом, концертом для фортепьяно с оркестром.

— Вы начинали свою музыкальную карьеру как пианист, однако в последнее время вы все больше внимания уделяете дирижерской работе с симфоническим оркестром. Чем это вызвано?

— На этот вопрос ответить очень просто, причиной этого является музыка, исполнение которой возможно только с симфоническим оркестром. Музыка, которую нет смысла, да просто и невозможно исполнять только на фортепьяно или на каком-либо другом инструменте. Многие великие композиторы писали в основном только для симфонического оркестра. Хотя Шопен сочинял только для рояля, а такой замечательный композитор, как Сибелиус, писал все свои главные сочинения для оркестра, у него практически ничего нет для рояля. Именно поэтому многих, как и меня, отдавших жизнь музыке, влечет к расширению репертуара. И это не обязательно самовыражение, это дает возможность ощутить себя частью мировоззрения великого композитора.

— Вы широко известны как исполнитель сочинений Скрябина, Рахманинова. Каковы ваши увлечения на сегодняшний день?

— Вы знаете, у меня было очень много разных периодов, как, впрочем, и у многих музыкантов и людей, занимающихся искусством, которые в определенный момент своего развития находят себя на волне того или иного стиля, способа выражения. Например, я хорошо помню, когда мне было лет 15-16, я был сильно увлечен Скрябиным, Рахманиновым, потом Чайковским. В дальнейшем мои увлечения менялись.

Сейчас, когда мне 58 лет, меня волнуют многие периоды музыкальной культуры, наверное, все. Сегодня для меня главным является смысл и значимость сочинения, гораздо больше, чем его стиль. Вообще «стиль» для меня является очень туманным понятием. Я очень люблю рассуждать о различных периодах, таких, как классический, романтический, постромантический. Однако меня пугает, когда многие вкладывают в эти понятия гораздо больше значения, чем они содержат в себе.

На сегодняшний день у меня большой интерес к современной музыке. Из современных композиторов меня очень интересует Лигети, венгр по происхождению, японец Такемицу.

ром, которым я мог бы дирижировать, не отходя от клавиатуры. Тем не менее мне трудно кого-либо выделить, у меня очень широкий круг интересов.

— Ваше имя занимает достойное место среди таких имен, как Ростропович, Ситковецкий, Бэлла Давидович, — музыкантов русской школы, живущих и работающих на Западе. Каковы ваши взаимоотношения? Есть ли совместные проекты?

— Конечно. По-моему, мы все — хорошие друзья. Я уже несколько раз дирижировал Диме Ситковецкому. Много раз встречался с Бэллой Давидович. С Ростроповичем — я ему дирижировал, и он мне тоже. Проблем у нас нет, и всегда, если есть такая возможность, очень приятно встретиться и совместно делать музыку.

— В последние годы Ростропович часто посещает Россию, недавно он побывал на могиле своего отца на Алтае. Что связывает вас с сегодняшней Россией?

— С Россией меня связывает очень многое. Я все время слежу за тем, что там происходит, меня это сильно волнует, я болезненно переживаю все происходящее, все-таки я прожил там до 26-летнего возраста.

— Планируете ли вы выступления в ближайшее время в Москве?

— В Москве у меня есть план на май, два концерта с симфоническим оркестром из Берлина, главным дирижером которого я являюсь.

— Вы эмигрировали много лет назад. Что вы думаете сейчас об этом решении?

— Я никогда не жалел о моем решении, хотя это было очень трудно, я много попортил нервов моим родителям, сестре и многим друзьям. В то время я себе не мог представить, что в России будут такие большие перемены в столь короткий срок. В 1963 году это было невозможно предугадать, я думал, что советский коммунистический строй протянется в России сотни лет. Это было достаточно наивно с моей стороны.

В те времена, когда невозможно было даже думать свободно, я надеялся, что если я буду жить на Западе, то смогу лепить свою судьбу сам, а не так, как мне будет указывать Госконцерт, министерство культуры. Жить в государстве, изолированном от всего мира, и не иметь возможности гастролировать за рубежом было

«Я никогда не жалел о моем решении...»

Интервью с Владимиром Ашкенази

печально особенно для нас, музыкантов.

— Какова ваша сегодняшняя жизнь, как и где вы проводите свободное время, ваше хобби?

— Хобби как такового у меня нет, все свое время я отдаю музыке. Я очень много концертирую с сольными выступлениями и как дирижер с различными симфоническими оркестрами. Много записываюсь на студии. Расписание очень напряженное, тем не менее я стараюсь планировать его таким образом, чтобы оставалось время для отдыха. Уже 18 лет, как мы живем в Швейцарии.

— А как вы жили в России до отъезда?

— Моя жизнь была достаточно обыкновенной, как и у всех учеников Центральной музыкальной школы при консерватории. Разве что я был более успешным и стал рано ездить на конкурсы. Я получил вторую премию на Шопеновском конкурсе и занял первое место на Брюссельском в 1956 году. Благодаря конкурсу мне разрешили выехать с концертами в США.

По возвращении в Москву меня ждала плохая новость: сопровождающий меня в Америке представитель министерства культуры товарищ Волошин составил на меня досье, в котором я характеризовался как ярый антисоветчик, противник учения Ленина и прочее.

После этого у меня и у моей жены, которая была студенткой в Московской консерватории на отделении фортепьяно, начались неприятности. Меня

вызвали в министерство культуры и сообщили, что о выступлениях за рубежом даже не может быть и речи.

Потом меня заставили играть на конкурсе им. Чайковского. Я женился на иностранке, что по тем временам было почти равносильно преступлению. Мне было официально сказано в Управлении высшими учебными заведениями на Неглинной, что если моя жена не сменит исландское гражданство на советское и если я не буду играть на конкурсе имени Чайковского, мне придется забыть о какой-либо дальнейшей карьере.

Я понимал, что противостоять системе невозможно, и мы подчинились. Супруга отказалась от исландского гражданства; при вручении советского паспорта ей сообщили, что с этого момента она является гражданкой самого свободного государства в мире. Однако когда она пожелала навестить своих родителей, на получение разрешения на выезд ушло четыре с половиной месяца.

Я играл на конкурсе имени Чайковского, это проходило для меня под большим давлением со стороны чиновников, но хотя концерт Чайковского не был моим увлечением, я разделил первую премию с британским пианистом Джоном Огденом, моим хорошим другом.

— А чем занимаются ваши дети?

— У нас пятеро детей. Старший сын — пианист, второй играет на кларнете (кстати, скоро у нас с ним будут совместные камерные выступления в

Италии). Три мои дочери решили не связывать жизнь с музыкой.

— Получали ли вы после перестройки какие-нибудь предложения со стороны официальных властей о возвращении вам российского гражданства?

— Нет, подобных предложений не поступало. Я являюсь гражданином Исландии и очень благодарен этому государству. До 1972 года у меня был советский паспорт. Я, наверное, не возражал бы против российского гражданства, хотя путешествовать пришлось бы с исландским.

Я хорошо осознаю, что переходный период в России дается сложно, поэтому очень важно как можно скорее освободиться от прошлого образа жизни. Найти возможность думать по-другому. Это очень сложно осуществить. Мне, например, в 26-летнем возрасте освободиться от советского менталитета было чрезвычайно сложно. Для успешного развития русским людям необходимо переродиться в абсолютно новую нацию, отбросив все негативное, что связано с прошлым, и, конечно, сохранить все то положительное, что всегда было у русских людей.

Меня очень часто спрашивают, насколько это страшно, что многие талантливые люди покидают Россию (ведь сейчас это сделать достаточно просто). Я думаю, что в этом нет никакой трагедии. Во-первых, Россия всегда была и будет богата людьми одаренными и талантливыми; во-вторых, прожив и получив новые знания и опыт на Западе, они могут сейчас вернуться в Россию и внести свою лепту в развитие нового государства.

Интервью взял
АЛЕКСАНДР ЛАУТ

Гонолулу